

ГЛАВА 1

Возле пивной «Гротеск» прохаживался Альфонс Доде, он же Витька Буров. Бутылки принимали во дворе, и Витьке была видна вся очередь.

Замученный старичок, гномик в очках, опускал бутылки в ящики: темные — пивные, светлые — водочные, желтые — из-под лимонада и сидра. В очереди, которую Шныра загораживал спиной, Фургон, Паштет и Белка перекладывали бутылки из ящиков в свои сумки, собираясь продать их еще раз.

— Тридцать пять копеек, — объявил гномик Шныре, — так тебя учили в школе?

Шныра вынул кепку из кармана, нахлобучил на голову, на глаза, стал за Паштетом и наполнил свою кошелку бутылками из ящиков.

— Получай деньги, отнеси маме, ты хороший мальчик, — заключил гномик торг с Фургоном.

Ребятам все это казалось игрой, рискованной, но увлекательной и дающей заработок. Деньги им были нужны для поездки в Крым.

Сидя на разбитом асфальте, они сдавали выручку Витьке Бурову.

— Восемьдесят две копейки, — сказал Шныра.

— Молодец, хороший мальчик! — к удовольствию всей компании передразнил Витька гномика. — Слушай маму!

— Пятьдесят восемь копеек, — сказал Фургон.

— Плохой мальчик, ленивый, выйди из класса!

— Девяносто три, — сказала Белка.

— Изюм — белый хлеб! — воскликнул Витька.

Выше похвалы он не знал.

Они пошли по Смоленскому рынку, могучая компания, объединенная таинственной целью, имеющая бесстрашного жожака, который бесцеремонно всех расталкивал: «Куда прешь, не видишь — дети!» — фраза, тоже приводившая их в восторг.

Служащие в косоворотках, мануфактуристы в пиджачных парах, в галстуках и без галстуков, с бабочками и без бабочек, зеленчики в брезентовых и рыбники в кожаных фартуках, цыгане с ассирийскими бородами, крестьяне в смазных сапогах и крестьяне в лаптях, украинки в суконных свитках, китайцы с воздушными шарами и всякими бумажными чудесами, железнодорожники в форменных куртках, барышники, спекулянты, молочницы, холодные сапожники, точильщики, босяки — все это двигалось, шумело, спорило, торговалось, пело, играло, плакало, проклинали, собиралось в толпы, растекалось по Новинскому и Смоленскому бульварам и по примыкающим к рынку переулкам.

Толстый, неповоротливый Фургон задержался около продавщицы с лотком на груди. «Моссельпром» было вышито на ее форменной фуражке золотым шнуром.

— Ириски, — доложил Фургон ушедшим вперед ребятам.

— Вывеска на голове, магазин на брюхе! — ответил Альфонс Доде.

Фургон понял, что ирисок не будет.

Суровое сердце Витьки дрогнуло только при виде рослой украинки в монистах, продававшей пряники в ларьке под вывеской: «Наталка с Киева».

Она заметила Витькин замороженный взгляд.

— Все вы дивуетесь на меня, а не покупаете.

Витька кинул на прилавок деньги — широкая влюбчивая натура, — роздал всем по прянику, себе не взял, сдачу положил в нагрудный карман.

— Крымские.

— С Крыма приехали? — осведомилась «Наталка с Киева».

— Вроде бы, — неопределенно ответил Витька.

По базару медленной уркаганской походкой шел Шаринец, хлюпик в кашне, настороженно косил рыжим глазом.

Витька напрягся, готовый к столкновению.

— Белка!

Белка не ответила на оклик Шаринца, вопросительно смотрела на Витьку, покупающего пряники.

Шаринец прошел, усмехаясь, как человек на рынке слишком значительный, чтобы связываться с такой мелкотой.

Но мелкота знала, что Шаринец боится Витьку, и это усиливало в них сознание своего могущества.

ГЛАВА 2

На своем дворе они тоже были хозяева. Старшие ребята их не трогали, боясь Витьку, сверстники хотели попасть в их компанию, но компании никто больше не нужен: они не могут всех взять в Крым.

Они сидели в тени восьмизэтажного корпуса. Шныра и Фургон мелом рисовали на асфальте пальмы с высокой кроной, волнистое море, чаек, солнце с длинными лучами — все это должно было изображать Крым. Витька лениво поигрывал финским ножом и курил папиросы «Наша марка» — единственная трата из крымских денег, которую он себе позволял. Папиросу получил и Паштет. Шныре и Фургону дали затынуться. Шныра выказал наслаждение, которого не испытывал, Фургон закашлялся, Белке ничего не было дано — девочки не должны курить.

Идиллия была прервана появлением дворничихи с метлой.

— Весь двор разрисовали, безобразники!

Витька подкинул нож, ловко поймал за рукоятку.

— Ох, Витька, доиграешься, не миновать тебе тюрьмы. Тебя не жалко, мамашу твою жалко.

Витька симпатично улыбнулся, отчего финка в его руках стала выглядеть несколько зловеще.

На четвертом этаже открылось окно. Валентин Валентинович Навроцкий провел ладонью по подоконнику — чисто ли? Он был в светлом шевиотовом костюме. К окну подошел Юра — его больше не дразнили скаутом, но выглядел он высокомерно, чем прежде: долговязый, в бархатной толстовке, с белым бантом.

— Витька Буров, он же Альфонс Доде, гроза Арбата, — объяснял Юра, — и его банда: Шныра, Паштет, Белка и Фургон. Паштет и Белка — бывшие беспризорные, а сейчас безнадзорные. В чем разница — не знаю.

— Какой действительно толстый мальчик Фургон, — согласился Валентин Валентинович, — перекормлен.

— Его настоящее имя Андрей, фамилия Зимин, отец — инженер на фабрике.

— Сын инженера в такой компании?! А почему Альфонс Доде?

— Может быть, он чем-то напоминает Тартарена из Тараскона? Навряд ли... Почему, например, Паштет? Он паштета в глаза не видел. Все потенциальные уголовники начинают с кличек...

Во дворе появился Шаринец, уселся на скамейке у подъезда, ухмыляясь на Витькину компанию.

— А это настоящий уголовник, профессиональный карманник.

— Карманник не самая видная, но вполне достойная воровская специальность...

— Конкурент Витьки за влияние во дворе.

Точно в подтверждение Юриного замечания Витька, демонстрируя свою власть, приказал:

— Фургон, скажи стих!

— Какой?

— Про хорошего человека.

Фургон ударил себя в грудь:

Рожа брита,
Грудь открыта,
Брюки клеш,
Даешь — берешь!

— Хороший стих, — похвалил Витька. — А еще знаешь?

— Про что?

— Про хорошего человека.

— Про хорошего человека больше не знаю, — признался Фургон.

— Фургон! — окликнул его Шаринец.

— Чего?

— Подойди! — позвал Шаринец с дружелюбием уголовника.

Фургон сделал неуверенное движение в сторону Шаринца, но его остановил грозный Витькин оклик:

— Стой!

Фургон остановился.

— Зачем пошел?

— Так ведь он позвал.

Двумя пальцами Витька зажал Фургону нос.

— Брось, Витька! — неодобрительно заметил Шныра.

Фургон мотал головой, пытаясь вырваться.

— В другой раз оторву и голову, — пообещал Витька и сильно дернул рукой вниз.

Фургон освободился от железной Витькиной хватки, но ощущение было такое, будто у него оторвали нос, и Фургон не сумел сдержать слез.

Витькина власть была доказана действием и огорожена от посягательств Шаринца. Но когда Витька наказывал Фургона, во дворе появился Миша Поляков, по-прежнему в кожаной куртке, из которой он порядочно вырос; под ней на рубашке виднелся комсомольский значок КИМ.

— За что ты его?

Витька лениво поднялся, поиграл финкой.

— Твое дело?

Юра дал справку:

— Миша Поляков, комсомольский активист... Как это там у них называется... Секретарь ячейки или председатель учкома — я в этом плохо разбираюсь.

— Сильный, видно, парень, — заметил Валентин Валентинович.

— Витька сильнее.

— Сильнее тот, кто смелее.

— Миша смелый только на собраниях.

...Витька играл финкой.

— Ну что? Милицию позовешь? Беги зови, а то не успеешь. Арцы — и в воду концы!

«Арцы — и в воду концы» означало у Витьки высшую степень угрозы.

— Убери нож!

— Наверно...

Неожиданным ударом Миша вышиб финку из Витькиной руки и наступил на нее ногой. Витька бросился на Мишу, они сцепились, не давая один другому дотянуться до ножа.

Нож поднял Саша Панкратов, во дворе его называли Сашка Фасон, не потому, что фасонил, а потому, что был красив: черноволосый мальчик в красном пионерском галстуке. Было ясно, что финку он Бурову не отдаст.

Подошли мужчины, растащили дерущихся. Витька пытался вырваться, но его держали крепко. Из окон выглядывали жильцы, во дворе собиралась толпа. Выбежала мать Фургона — Ольга Дмитриевна Зимина, миловидная женщина с нежным лицом.

— Андрюша! Что он с тобой сделал? Нож! Когда это прекратится, наконец?

Появление милиционера привлекло еще больше зрителей.

Милиционер забрал у Саши финку.

— Чей нож?

Все молчали, подчиняясь законам двора: податься — одно, выдать — другое.

— Твой? — спросил милиционер у Витьки.

— Пусть ребята скажут, — ответил Витька.

Белка показала на Мишу:

— Его финка, он хотел Витьку порезать.

— Не ври! — крикнул Саша Панкратов. — Витькин нож. Скажи, Фургон, скажи, Шныра, чей нож?

Шныра и Фургон молчали.

— Какие, однако, мерзавцы! — возмутился Валентин Валентинович и поднялся с подоконника.

— Плевать! Пусть сами разбираются, — сказал Юра.

— Ну знаешь... Я тебя не понимаю!

Валентин Валентинович свесился из окна:

— Товарищ! Я все видел, сейчас спущусь.

Через минуту он стоял во дворе, спокойный, внушающий доверие, показал на Витьку:

— Нож его, он им играл, довольно неосторожно, кстати. И мучил мальчика. А этот молодой человек, — он протянул тонкий палец в сторону Миши, — вступился... — Он повернулся к Зиминной: — Если не ошибаюсь, за вашего сына.

— Да, — сказала Ольга Дмитриевна. — Витя! Ведь ты уже большой... Разве Андрей тебе товарищ?

— Что скажешь? — спросил милиционер у Витьки.

Витька молчал, злобно посматривая на Мишу.

— Нехорошо, девочка, лгать, некрасиво, — сказал Валентин Валентинович Белке.

Милиционер опустил нож в сумку.

— Разберемся, пошли!

И вместе с Витькой направился к воротам.

— Благодарю вас, — сказала Ольга Дмитриевна Валентину Валентиновичу.

— Мадам... Гражданка... Я просто сказал правду.

ГЛАВА 3

Валентин Валентинович вернулся к себе.

— Дорогой мой, — сказал он Юре, — ты оказался на высоте. Ты побаиваешься Альфонса Доде? Кстати, кличка ему не подходит.

— Я его не боюсь, — вспыхнул Юра, — но Миша ненавидит меня как буржуя, если бы я вмешался, он бы расценил это как подлизывание. Не беспокойтесь за него: он не нуждался ни в вашей защите, ни в моей.

— Правду надо защищать всюду, всегда и везде. — Валентин Валентинович уселся в кресле и закурил тонкую папиросу. — Что касается Альфонса, то он кончит тюрьмой. Околачивается во дворе с финкой, взрослый парень!

— А куда ему идти? В комсомол? Зевать на собраниях?

— Ты тоже не комсомолец.

— И что меня ждет? В институт не примут: не рабочий, не сын рабочего.

— Принимают и не рабочих. Твой отец — врач, поступай в медицинский.

— Ковыряться в чужом сопливом носу?

— Что же тебя привлекает?

— Кино.

— Есть способности?

— В кино нужна прежде всего внешность.

Валентин Валентинович оценивающим взглядом посмотрел на Юру:

— Внешность у тебя есть.

— Один кинорежиссер, папин пациент, обещал взять меня на съемки.

— Прекрасно! Будешь советским Рудольфо Валентино или Дугласом Фербенксом.

— Он начнет новую картину через год. Что я буду делать после школы? На фабрику?

— Кстати, почему ваша школа так связана с фабрикой?

— Получаем трудовое воспитание, даже пишем дипломные работы, почти как в вузе. Из нас готовят нечто вроде статистиков. Такая скучища!

— Напрасно пренебрегаешь этим, — сказал Валентин Валентинович, — другие после школы идут на биржу труда или в чернорабочие. А ты сразу получаешь специальность.

— Мне нужна специальность, дающая независимость.

— Профессия актера тебе ее даст?

— До известной степени.

— Заблуждаешься. Независимость дается только этими...

Валентин Валентинович пошевелил пальцами, как бы перебирая монеты.

— Но где их взять?

Валентин Валентинович погасил папиросу в пепельнице, прошелся по комнате, чистой, пустовавшей, с фотографиями лошадей на стенах.

— Надо начинать с небольшого. Кто я такой? Уполномоченный общества «Друг детей». Я распространял лотерейные билеты, открытки, значки, поднимался по лестницам, стучался в двери, несознательные гражданки захлопывали их перед моим носом. Все же мне удалось кое-кого убедить. Заметь, какую гуманную роль я выполнял: помогал несчастным, голодным крошкам и пробуждал в людях сострадание. Теперь заготовлю мануфактуру для наших предприятий, прибыль от них идет опять же на помощь детям. Раз

в месяц получаю свои проценты. Рокфеллер имеет больше, но я сыт, одет, обут. — Он вытянул ногу и показал лакированный ботинок «джимми». — Делаю свои деньги и думаю, как бы сделать их больше.

— На лотерейных билетах? На отгрузке мануфактуры?

— Друг мой! Деньги делаются на всем. Нэп! Папиросы «Ира» не все, что осталось от старого мира. Шевели извилиной, как пишут в журнале «Смехач». Жизнь с ходу дает тебе шанс — не упускай его. Приживись на фабрике. Получится с режиссером — уйдешь в Дугласы Фербенксы. Не получится — заработаешь производственный стаж и поступишь в вуз. Кстати, какая у тебя тема?

— Учет на складе, — произнес Юра с отвращением.

— Прекрасная тема! — воскликнул Валентин Валентинович. — На складе ты станешь деловым человеком, изучишь ткани. Актуальнейшая проблема! За десять лет люди пообносились, рынок требует маты...

— Маты? Что это такое?

— Мануфактура на языке контрабандистов, этим термином пользуются и коммерсанты. Какие названия! Амарант, бельфанс, туал-д-эте, канбера, виоламакмино... Из-за одних названий я бы пошел работать на склад, честное слово!

— Вы говорите о фабрике с таким же энтузиазмом, как Миша Поляков на школьных собраниях о мировой революции.

— Ну что ж, из всех, кого я видел сегодня, Миша Поляков понравился мне больше всех.

— Вы его мало знаете, — нахмурился Юра.